

Э. Ш. Куцкир

Национальный авиационный университет (г. Киев)

ТОЛКОВАНИЕ СЛОВА В ФИЛОСОФСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Освітлено етапи становлення теорії дефініції у філософії та значення цієї теорії для рішення лінгвістичних проблем семантизації слова.

Ключові слова: дефініція, семантизація, поняття, значення слова.

Рассмотрены этапы становления теории дефиниции в философии и значение этой теории для решения лингвистических проблем семантизации слова.

Ключевые слова: дефиниция, семантизация, понятие, значение слова.

The article considers the stages of the theory of definitions in the philosophy and meaning of this theory to solve linguistic problems of semantization word.

Keywords: definition, semantization, thinking, meaning of word.

Вопрос об определении сущности слова и его значения, об отношении между словом и обозначаемым им понятием возник на заре формирования философии и не утратил своей актуальности до настоящего времени.

В современной лингвистике проблема значения слова рассматривается параллельно с философской теорией значения и смысла.

Еще в Древней Греции и Риме философы пытались понять природу слова, установить, как относится имя – само название к вещи (предмету) – тому, что этим словом называется, т. е. выявить соотношение слова, понятия и реалии, которым это слово обозначается, а также соотношение понятия и лексического значения слова.

Целью данной статьи является попытка установить ключевые этапы развития теории дефиниции в философии и значение этой теории для лингвистики. Как указано выше, вопросы, связанные с определением сущности слова, поднимались в науке неоднократно. Однако в данной работе делается акцент не на соотношение слова, понятия и реалии, а впервые – акцент на историю развития теории дефиниции.

Реализация данной цели предполагает решение следующих задач: 1) установить, когда стали изучать проблему определения понятия; 2) выявить, какую структуру имеет дефиниция; 3) рассмотреть, каковы требования правильного определения; 4) уточнить значение теории дефиниции для решения проблем семантизации слова.

В философии V в. до н. э. появляются первые утверждения о чисто условной связи между предметом и его названием. Споры древнегреческих философов о природе имен, о характере связи между словом и предметом стали источником формирования древнейшей в Европе философии языка.

Вопрос о связи того, что обозначается (понятие), того, что обозначает (слово), и самого объекта стал ключевым вопросом античной философии и языкознания. Он вызвал большую дискуссию между древнегреческими мыслителями и разделил их на две группы. Одни утверждали, что имя является «врожденным» «по природе» (*physei*), т. е. имя определяется самой природой предмета, другие – «по установлению» (*thesei*), т. е. имена даются самими людьми, «по договоренности», без связи с природной сущностью предметов.

Представителем теории имени «по природе» был Гераклит Эфесский, который «считал, что каждое имя неразрывно связано с той вещью, названием которой оно служит, что в именах раскрывается сущность вещей, что имя отражает природу обозначаемой вещи, подобно теням предметов, отражению деревьев в реке, нашему собственному отражению в зеркале» [11, с. 11–12].

Противоположного мнения придерживался философ-материалист Демокрит. Он был сторонником теории имен «по установлению».

Демокрит обратил внимание, что существуют случаи, когда: а) одним и тем же словом обозначаются разные предметы (т. е. слова имеют несколько значений); б) один и тот же предмет обозначается различными словами (т. е. предмет имеет несколько названий); в) у предмета нет названия (т. е. понятие существует без словесного обозначения), и тогда в процессе коммуникации необходимо использовать описание; г) иногда одно слово может заменяться другим, т. е. словесные обозначения изменчивы, неустойчивы (непостоянны) [11, с. 12–13].

Таким образом, уже Демокрит заметил, что существуют неоднозначные отношения между словом и понятием, интерпретируемые в современных лингвистических терминах следующим образом: а) слово может соотноситься с несколькими понятиями, т. е. слова бывают многозначными и омонимичными, и тогда каждый ЛСВ многозначного слова соотносится с каким-то одним понятием; б) одно и то же понятие может выражаться разными словами, т. е. существуют синонимические выражения понятия; в) то, что понятие может быть выражено описательно, подводит к мысли, что оно может быть обозначено как одним словом – цельюоформленными единицами, так и раздельнооформленными единицами – фразеологизмами (например: *за тридевять земель* – далеко; *пожать плечами* – удивиться); г) смена наименований – это проявление динамического характера языка, состоящего в процессе архаизации – когда малоупотребительное слово переходит в пассивный запас языка или уходит из языка вообще, и процессе неологизации, когда слово только появляется и начинает использоваться для обозначения какой-либо реалии.

Как отмечено в литературе по истории философии, Демокрит первым обратился к проблеме определения понятия (см., например: [14, с. 35–38]). Его научный метод заключался в разложении сложного на части, т. е. в сведении сложного к простому, и впоследствии – в объяснении всего сложного как суммы составляющих его частей. По мнению философа, сначала возникают единичные данные чувственного восприятия, которые в последующем образуют простейшие суждения, затем возникают более сложные образования, которые состоят из сочетания суждений.

Выдающийся мыслитель античности Сократ считал, что понятие – это объективное начало, через которое познается сущность вещей [4, с. 49–50]. Раскрытие какого-либо понятия было для философа определением этого понятия, т. е. определение для него было процессом, с одной стороны, а с другой – результатом, который представлялся в форме дефиниции, т. е. формулировки, в которой раскрывается содержание понятия. Для установления точных определений Сократ разделял понятия на роды и виды. С этой целью он вводит новый прием исследования – индукцию: от единичных вещей к определению общего для них понятия. Сократовская индукция и есть процесс образования, установления понятий, а следовательно, и составляет основу дефиниции.

Большой вклад в развитие философии и теории языка внес философ-идеалист Платон. Ему принадлежит знаменитый диалог «Кратил, или О правильности имен», где сталкиваются два противоположных взгляда на связь между словом и обозначаемой вещью.

Участники диалога – Кратил и Гермоген – ведут спор о том, насколько имена людей и предметов отражают их природные свойства. Кратил – сторонник правильности имен от природы – утверждает, что «у всякого существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех» [19, с. 36]. Гермоген – сторонник теории происхождения имен «по договоренности» – напротив, заявляет: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя; ведь никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют» [19, с. 37].

Сократ (выразитель идей автора) в качестве судьи пытается примирить стороны, занимая промежуточную позицию. Отвергая непосредственную связь между словом и обозначаемой вещью, он указывает, что на примере ономопозитических проявлений языка вначале при появлении первых слов некоторая связь существовала действительно. А затем уже связь между обозначаемым и обозначающим была закреплена общественной традицией.

Диалог «Кратил» интересен для истории лингвистической мысли и «показывает, как в Древней Греции занимались этимологизированием и семантизированием» [1, с. 29].

Следуя своему учителю Сократу, Платон развивает учение об определениях, т. е. о дефинициях. Он отмечает, что дефиниция должна состоять в указании специфического различия, выделяющего данный объект среди других. То есть Платон, фактически, отмечает одну из важнейших сторон дефиниции – это то, что в ней, прибегая к современной лингвистической терминологии, обязательно должен быть назван дифференциальный признак.

Другой выдающийся философ античности Аристотель, колебавшийся между идеализмом и материализмом, в разные периоды своей жизни по-разному относился к осмыслению феномена «понятие», поэтому он различал понятие в широком смысле – понятие, которое присуще всем предметам данного рода или вида, и понятие в узком смысле, которое раскрывает сущность единичных вещей.

Философ искал ответ на вопрос, что такое определение понятия. Для того чтобы понять природу понятия по учению Аристотеля, нужно обратиться к его учению о предикациях. В своей книге «Топика», посвященной теории определений, Аристотель излагает учение о предикациях. Философ рассматривает четыре основных категории (предикации) или «четыре вида сказывания о предмете» [4, с. 49–50]: *определение, род, собственный признак, случайное (привходящее)*.

Определение, – пишет он, – «есть речь, обозначающая суть бытия (вещи). ... При определении больше всего занимает нас вопрос, есть ли нечто одно и то же или разное» (Топика, I, 5, 101b 35–102a 6–7) [2, с. 352–353]. Философ полагает, что любое определение должно формулироваться через род и видовое отличие: «...род должен отделить предмет от других [родов], а видовое отличие – от того, что относится к тому же роду» (Топика, VI, 3, 140a 25–30) [2, с. 465]. *Род*, по мнению Аристотеля, раскрывает сущность определяемого предмета, но указывает не на специфическое его свойство, а общее свойство нескольких предметов, отличающихся друг от друга по видовым признакам: «Род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещей] (Топика, I, 5, 102a 30–35) [2, с. 354]. «Значение же рода – указывать суть вещи, и род – это то, что из сказанного в определении ставят на первое место», – пишет философ (Топика, VI, 5, 142b 25–30) [2, с. 471]. Дающий определение «должен, установив род, прибавить видовое от-

личие, ведь прежде всего род, надо полагать, больше всего означает в определении сущность определяемого», – указывает Аристотель (Толика, VI, 1, 139a 25–30) [2, с. 462].

Говоря об отличиях, Аристотель имел в виду такие признаки, которые внутри рода выделяют виды. Однако философ отмечает, что функцию отличия может выполнять не всякий признак: «...если определение не дается посредством видовых отличий, свойственных вещи, или указано нечто такое, что никак не может быть видовым отличием чего-либо (например, живое существо или сущность), то ясно, что определение не дается, ведь они не видовые отличия ни одной вещи» (Толика, VI, 6, 143a 30–35) [2, с. 472].

Собственный признак мыслитель рассматривает как свойство, присущее исключительно определяемому предмету, хотя и не являющееся существенным для него: «Это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемое с ней» (Толика, I, 5, 102a 15–20) [2, с. 353].

Случайное (привходящее) не связано с сущностью предмета, а отнесено к предмету случайно, то, что «одному и тому же может быть присуще и не присуще» (Толика, I, 5, 102 b 5) [2, с. 354]. Оно не является ни определением, ни родом, ни собственным признаком.

В главах 4–5 первой книги «Тоики» указаны следующие виды предикабилей, которые являются демонстрацией его понимания их: 1) определение «человек есть живое существо, одаренное разумом»; 2) род «человек есть живое существо»; 3) собственное «человек обладает способностью научиться читать и писать»; 4) случайное (привходящее) «человек сидит» [2, с. 351–355].

В шестой книге «Тоики» Аристотель излагает требования, предъявляемые к определениям, и дает анализ встречающихся в определениях ошибок. Следует отметить, что современные учебники по традиционной логике не дают такого точного и подробного перечня необходимых правил определения, как это было сделано великим мыслителем.

Подтвердим сказанное сравнительной характеристикой правил определения, представленных в табл. 1.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика правил,
необходимых для формулировки определения**

Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев [5, с. 59–64]	Аристотель. Толика. Книга шестая, гл. 2–14.
1. Определение должно быть <i>ясным</i> : а) <i>должны быть известными значения входящих в его состав терминов</i> ; б) <i>нужно указывать в определяющей части лишь то, что необходимо и достаточно</i> ; в) <i>важно указывать род</i> , к которому принадлежат соответствующие предметы.	1. Необходимо, чтобы определения были <i>ясными</i> : а) не должны использоваться <i>омонимы, метафоры, неясные выражения, малоупотребительные слова</i> [139b 10–15 – 140a 5]. «Так как определение дается ради познания того, о чем речь, познаем же мы не на основании первого попавшегося, а из предшествующего и более известного» [141a 25–30]; б) « <i>излишне все, по удалению чего оставшееся объясняет определяемое</i> » [140b 35]; в) « <i>род должен отделить предмет от других [родов]</i> » [140a 25–30].
2. В определении не должно быть <i>круга</i> , т. е. <i>термин, встречающийся в опре-</i>	2. « <i>Нелепость ... состоит не в том, что дважды произносится одно и то же имя, а в</i>

деляющей части, не должен определяться через определяемый термин.	том, что о чем-то сказывается одно и то же несколько раз» [141a 5].
3. Определение должно быть соразмерным, т. е. определяющая часть должна выделять именно тот класс предметов, который представляет определяемое.	3. «Если определение содержит больше того, [что требуется], то прежде всего следует смотреть, не приведено ли то, что присуще всем... В таком случае определение содержит больше того, [что требуется]» [140a 25].

Большой вклад в разработку философских проблем языкознания и формирование основ лингвистической теории внесли философы эллинистического периода. Представители стоической школы (особенно Зенон, Секст Эмпирик, Хрисипп) развивали свои учения на основе языкового материала. По учению стоиков, слово обозначает уже не вещь, а способ переживания вещи индивидом. Они утверждают, что важна не предметная соотношенность слова, а смысл слова. Нужно отметить, что стоики серьезно продвинулись в учении о понятии (по сравнению с Платоном и Аристотелем), так как рассматривали проблему не в общелогическом аспекте, а в семантическом.

Стоики различали «обозначаемое», «обозначающее», т. е. объект и его имя. Так, Секст Эмпирик в работе «Против логиков» утверждает, что эти «три (вещи) между собой сопряжены... Из них *обозначающее* есть звук, например «Дион»; *обозначаемое* – тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем своим рассудком, как уже заранее существующий...; объект – внешний субстрат, например сам «Дион». Из них две вещи телесны, именно звук и объект, одна – бес-телесна, именно обозначаема вещь, и это есть *высказываемое*, которое бывает истинным и ложным» [19, с. 69].

Различие между стоической и аристотелевской логикой, по мнению историка и философа А. О. Маковельского, хорошо видно на примере теории дефиниции. Согласно учению стоиков о дефиниции, она есть перечисление признаков, присущих вещи, при этом они, не указывали на виды, а перечисляли различия вообще, полагая, что имя выражает понятие в целом, дефиниция выражает его более подробно, детально.

В период поздней античности интерес к теории дефиниций был связан, как правило, с комментариями к аристотелевской «Топике». Древнеримский философ и оратор Цицерон, подобно Аристотелю, считал, что дефиниция есть «краткое (*brevis*) и исчерпывающее (*circumscripta*) разъяснение отличительных признаков той вещи, которую мы хотим определить (*definire volumus*)». Как отмечают П. С. Попов, Н. И. Стяжкин, от Цицерона идет и сам термин *definitio* [18, с. 129].

Римский философ Марий Викторин, переводчик и комментатор трудов Аристотеля, в своем трактате «Об определениях» («*De definitionibus*») обсуждал различные виды определений, которые могли использовать ораторы. Он выделял: субстанциальные, понятийные, заменяющие, описательные, переводящие, экзemplификативные, риторические, относительные, каузальные, определения через различие, через полное перечисление и т. д. [16, с. 39].

Таким образом, уже в античной философии, благодаря исследованиям философов и языковедческой практике в эллинистический период, когда зародилась европейская филология, был введен термин «определение», или «дефиниция». Философы искали гармонию между языковыми и логическими категориями. И хотя древнегреческие философы уже рассматривают смысловую сторону понятия, появляются лингвистические очертания дефиниции, в которой должны быть указаны отличительные признаки, все же им присущ синкретизм понимания термина *logos*. Они еще не разграничивают логические и лингвистические знания.

В средние века, как указывают историки, вопросы, связанные с определением понятия, слова и значения, обсуждались в связи со спорами, возникшими между реалистами и номиналистами.

Так, реалисты (например, Ансельм, епископ Кентерберийский) были убеждены, что общие понятия существовали до появления вещей, а вещи – только копии реальных названий. То есть, грубо говоря, вначале существовало слово, а уже потом появлялась вещь. Напротив, номиналист П. Абеляр, французский философ и поэт, утверждал, что общие понятия не обладают самостоятельной реальностью и являются результатом деятельности ума. Из этого следует, что названия вторичны по отношению к вещам.

Ряд английских мыслителей-номиналистов Нового времени (например, Т. Гоббс) полагали, что понятие обозначает «идею», выступает как имя или термин.

Философ-материалист Т. Гоббс большое внимание в своих исследованиях уделяет учению об определении понятий. Он убежден, что точно и твердо должно быть установлено значение имен. А этому, как полагает ученый, служит логическая операция определения. Он справедливо замечает, что если определение – это операция, которая совершается в рамках какого-либо языка, то, следовательно, оно имеет лингвистический аспект. Указывая, что определение устраняет двусмысленность, Т. Гоббс пишет, что существо определения кроется в отграничении, т. е. в фиксировании значения определяемых имен, в отграничении его от всех других значений.

Философы XVII–XVIII вв. (Дж. Локк, Г. В. Лейбниц, Б. Спиноза и др.) в своих исследованиях обсуждали вопрос о том, является ли слово знаком представления о предмете или знаком самого предмета.

Свою концепцию определений английский философ Дж. Локк изложил в труде «Опыт о человеческом разумении» (кн. III, гл. IV). Дж. Локк считал, что слова обозначают идеи и образы в умах тех людей, с которыми мы общаемся. По мнению философа, определить – это значит заставить собеседника, которому адресовано определение, понять, какую идею обозначает сложный термин, используя слова или термины, обозначающие простые идеи, известные ранее им. Он писал: «...слово определено тогда, когда посредством других слов идею, знаком которой является сказанное с ней слово в уме говорящего, как бы представляют или предлагают взору другого, и таким образом устанавливается ее значение» [12, с. 420].

Великий ученый Б. Спиноза предлагает рассматривать такое понятие, чтобы из него, при рассмотрении вещи самой по себе, можно было вывести все ее свойства.

Огромное влияние на развитие общей теории языка оказало учение о грамматике, созданное аббатами монастыря, выдающимися профессорами из Пор-Рояля К. Лансло и А. Арно. Они выпустили книгу под названием «Всеобщая рациональная грамматика». Естественным завершением «Грамматики» явился труд «Логика, или Искусство мыслить», которую А. Арно написал при участии П. Николя.

Это было первое фундаментальное грамматическое сочинение. Одна из глав посвящена учению о дефиниции. Авторы различают дефиницию словесную (номинальную) и реальную. Словесные дефиниции, утверждают Арно и Николя, произвольны и зависят от нас, тогда как реальные не являются таковыми и выражают то, что заключается в истинной идее вещи. Авторы приходят к выводу, что реальные дефиниции бывают двоякого рода: дефиниция в собственном смысле слова и описания. Последние дают познание о вещи, указывают на ее собственные признаки и помогают отличить данное понятие от других, но при этом не раскрывают его сущности. Дефиниции в собственном смысле слова указывают на природу вещи и ее существенные признаки, среди которых общие называются

родом, а собственные – отличаем. Реальные определения, как считают Арно и Николя, раскрывают его обычный смысл при помощи указания содержащихся в нем других идей. Например, в дефиниции «человек есть разумное животное» к определяемому термину «человек» присоединяют его идею «разумное животное». Авторами были изложены требования правильного определения: *универсальность* (определение должно охватывать весь объем определяемого), *отличительность* (свойства, указанные в дефиниции, должны быть присущи только определяемому и выражать его специфику), *ясность*. Под требованием ясности, видимо, авторы имели в виду использование по возможности общеупотребительных слов в их обычных значениях, учет фактора адресата и др.

Заслугой Арно и Николя является развитие положения о необходимости выработки языка науки. Они ставят вопрос о том, что термины должны быть однозначными, и утверждают, что значение терминов часто богаче, чем кажется. Авторы различали *основной* и *дополнительный* смысл или выражения. Под первым, видимо, как считает Попа, они подразумевали то, что позже Дж. Милль назвал денотатом и коннотатом, под дополнительным – некий эмоционально-оценочный «заряд» слова [16, с. 50]. Сейчас эту функцию слова называют экспрессивной.

В России вопросами логики и языка занимался один из выдающихся ученых XVIII в. М. В. Ломоносов, который написал сочинение «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия». Великий ученый считал, что целью красноречия является убеждение в истинности того, что говорится, что необходимо «слушателей и читателей о справедливости речи удостоверить» [13, с. 23]. В сочинении М. В. Ломоносов излагает основы логики и, подчеркивая ее значение, указывает, что логика «после грамматики есть первая предводительница ко всем наукам» [13, с. 126]. В первой части он дает учение о понятии. Сам термин «понятие» он не использует, а употребляет термин «идея». Он пишет: «Идеями называются представления вещей в уме нашем...» [13, с. 25].

Идеи Ломоносов делит на простые и «сложенные». «Простая состоит из одного представления, сложенная – из двух или многих...» [13, с. 25]. Во второй главе сочинения ученый приводит деление идей на род и вид, указывая, что «родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим мы Невы с Двиною, Днепром, Волгою, Вислою и другими, в море протекающими великими водами, и оное называем одним словом – река, которое значит род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла суть виды» [13, с. 28]. М. В. Ломоносов отмечает, что общее понятие всегда есть некий род, а единичное всегда есть только вид. Признаком он называет «все, что другую вещь указывает, когда она сама нашим чувствам представлена» [13, с. 31].

Таким образом, М. В. Ломоносов формирует понятие, что такое род, раскрывает понимание общего и специфического через род и вид и формирует у читателя представление о роде, о том общем, что связывает сходные предметы.

В XIX веке в логике, как в одном из разделов философии, возрос интерес к проблеме соотношения имени и называемого им объекта действительности. Одной из тем логических исследований в этот период было значение слова. Логики обращаются к денотативной теории значения, или теории наименования. Английский мыслитель Дж. Милль в своей работе «Система логики, силлогистической и индуктивной» пишет: «Все имена есть имена чего-либо реального или воображаемого. Когда я утверждаю, что «солнце есть причина дня», я имею в виду физическое явление, а не свое представление о нем» [15, с. 47].

Дж. Милль был продолжателем разработанной его предшественниками Т. Гоббсом и Дж. Локком теории определений. Особенностью его учения об име-

ни было различение *денотата* и *коннотата*. Денотат, считает Дж. Милль, – это предметы или сущности, относящиеся к имени, а коннотат – общие признаки или свойства объектов, обозначаемых соответствующим именем.

Философ противопоставляет коннотативные имена, называющие предмет и имплицитующие атрибут, неконнотативным, обозначающим или только предмет, или только атрибут. По мнению логика, коннотативное слово – это имя тех предметов, которые оно денотирует (т. е. называет). «Не узнав, какие предметы называет имя, нельзя понять его значения», – отмечает он [15, с. 56–57]. «Значение, – пишет он, – заключено не в том, что имя денотирует, а в том, что оно коннотирует, и у имен, лишенных коннотации, строго говоря, отсутствует значение» [15, с. 56–57].

Мыслитель убежден, что определение должно полностью охватывать коннотат имени и обозначать все предметы, которые составляют его денотат. Такое определение Милль называет правильным и исчерпывающим. Подобно Дж. Локку, Дж. Милль не считает реальные определения особым видом определений, не считает, что определения могут быть истинными или ложными. Он отмечает, что истинными или ложными могут быть только предложения или постулаты, сопровождающие определения.

Немецкий логик и философ Г. Фреге явился новатором в теории определений, разработав ее с точки зрения построения символического языка. Он убежден, что предметом определения явлений являются не имена или реалии, ими обозначенные, а понятия.

Фреге полагает, что нужно установить точные границы каждого понятия, чтобы в дальнейшем иметь возможность выявить, подпадает ли предмет или ряд предметов под данное понятие. В этом он видит функцию определений, которые, по его убеждению, обязательно должны быть полными. Следует отметить, что логик различает процесс определения (*Definieren*) и определение как результат этого процесса (*Definition*). По мнению Фреге, определение должно отражать в равной мере значение, смысл символа и смысл знака. «Недостаточно установить лишь значение знака. Надо еще установить смысл символа, соответственно понятия, обозначенного словом или символом» [16, с. 75–76].

Заслугой Фреге в разработке теории определений является то, что она строится на основе основных понятий логической семантики.

В истории логики XIX в. следует также отметить известного русского переводчика и комментатора трудов Платона, философа-идеалиста В. Н. Карпова. В своем учении он уделяет внимание понятию. Под понятием В. Н. Карпов понимал осознание многих признаков, объединяемых его именем. Он указывал, что совершенствами понятия являются его ясность, раздельность и полнота. Под полнотой, видимо, он понимал сумму признаков, необходимых для раскрытия содержания понятия.

Анализ современной философской литературы показывает, что в настоящее время сущность понятия понимается по-разному. Некоторые философы (Д. П. Горский, А. В. Гладкий, Н. И. Кондаков и др.) полагают, что «всякое понятие есть мысль о признаках предмета» [7, с. 31]. «Чтобы глубоко знать предмет, надо отыскать его существенные признаки. Отобразить в нашей мысли существенные признаки предмета – значит понять предмет», – замечает Н. И. Кондаков [10, с. 272].

Понятие, по мнению профессора И. Я. Чупахина, является формой мышления, отражающей предметы в их общих существенных признаках [20, с. 21].

Другие философы определяют понятие как одну из форм отражения мира на ступени познания, связанной с применением языка, как форму (способ) обобщения предметов и явлений.

Как видно из высказываний, многие авторы в определении понятия обращают внимание на существенные признаки предмета, тем самым трактуя термин в узком смысле.

В лингвистике лексическое значение слова сопоставляется с философской категорией понятия. Однако сущность данных категорий в лингвистической и философской литературе понимается неоднозначно. «Логика и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как значение, смысл, обозначение и под.: логик под термином значение понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений...» [3, с. 8]. Проблема соотношения лексического значения слова с понятием до сих пор не получила общепринятого решения: одни ученые отождествляют понятие с лексическим значением слова, другие придерживаются противоположного мнения.

Так, по мнению Е. М. Галкиной-Федорук, «понятие – это знание о предмете, явлении, процессе, качестве и т. д.» [6, с. 39], но логическое понятие лежит в основе лексического значения слова, – убеждена она [6, с. 23].

Говоря о связи понятия с лексическим значением слова, некоторые исследователи не считают целесообразным производить разграничение между ними. Так, П. С. Попов утверждает, что понятия и значения слов не отличаются друг от друга принципиально [17, с. 47]. О том же пишет Г. В. Колшанский: «... семантика слова по существу совпадает с понятием как логической формой, понятием, выражаемым в слове» [9, с. 28]. Такой же точки зрения придерживается и Л. С. Ковтун, полагая, что слово имеет в основе своего значения понятие; значение слова – это реализация понятия средствами определенной языковой системы, поэтому значение слова отражает через понятие лежащую в его основе реальную действительность. [8, с. 77]. Она в своей работе «О значении слова» пишет, что мы не имеем никаких оснований сомневаться в адекватности значения слова понятию [8, с. 77].

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что: 1) благодаря исследованиям древних философов в языковедческую практику был введен термин «определение», или «дефиниция»; 2) уже в период античности, затем в средние века разработана структура дефиниции, определены ее основные виды и функции; 3) анализ требований, предъявляемых к формулировке правильных определений, свидетельствует о том, что в них уже были отображены все правила, встречающиеся в современных учебниках по традиционной логике; 4) исследования показали, почему теория дефиниции важна для метаязыка науки.

В дальнейшем предполагается уточнение видов дефиниций и составление лингвистической дефиниции.

Библиографические ссылки

1. **Алпатов В. М.** Теория лингвистических учений : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. **Аристотель.** Сочинения в четырех томах. Т. 2. / ред. З. Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1978. – 687с.
3. **Арутюнова Н. Д.** Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982.
4. **Ахманов А. С.** Логическое учение Аристотеля / А. С. Ахманов. – М. : Изд-во социально-эконом. литературы, 1960.
5. **Войшвилло Е. К.** Логика : учеб. пособие / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – М. : Профобразование, 2000. – 192 с.

6. **Галкина-Федорук Е. М.** Слово и понятие / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз, 1956. – 54 с.
7. **Горский Д. П.** Логика / Д. П. Горский. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956.
8. **Ковтун Л. С.** О значении слова / Л. С. Ковтун // Вопросы языкознания. – 1955. – № 5.
9. **Колшанский Г. В.** Логика и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Высш. шк., 1965.
10. **Кондаков Н. И.** Введение в логику / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1967.
11. **Кондратов Н. А.** История лингвистических учений : учеб. пособие / Н. А. Кондратов. – М. : Просвещение, 1979. – 224 с.
12. **Локк Дж.** Избранные философские произведения в двух томах. Т. 1 / Дж. Локк. – М., 1960.
13. **Ломоносов М. В.** Полное собрание сочинений. Т. 7 / М. В. Ломоносов. – М.– Л. : Изд-во АН СССР, 1952.
14. **Маковельский А. О.** История логики / А. О. Маковельский. – М. : Кучково поле, 2004. – 478 с.
15. **Милль Дж. Ст.** Система логики, силлогической и индуктивной / Дж. Ст. Милль. – М., 1914.
16. **Попа К.** Теория определения / К. Попа. – М. : Прогресс, 1976.
17. **Попов П. С.** Значение слова и понятие / П. С. Попов // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6.
18. **Попов П. С.** Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения / П. С. Попов, Н. И. Стяжкин. – М. : МГУ, 1974.
19. **Тронский И. М.** Античные теории языка и стиля / И. М. Тронский. – ОГИЗ-СОЦЭЖгиз, 1936.
20. **Чупахин И. Я.** Формальная логика / И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. – 358 с.

Надійшла до редколегії 05.04.11

УДК 811.161.2'367

І. Ю. Кушнір

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

СЕМАНТИЧНІ ГРУПИ ПРЕДИКАТИВ У СТРУКТУРІ СКЛАДНИХ РЕЧЕНЬ ІЗ ВЗАЄМОЗАЛЕЖНИМИ ЧАСТИНАМИ

Присвячено одному з дискусійних типів складних речень – конструкціям, одна з предикативних частин яких функціонує у ролі підмета до інших предикативних частин. Основну увагу зосереджено на групах предикатів і предикативів, що структурують складні речення із взаємозалежними частинами.

Ключові слова: складне речення із взаємозалежними частинами, предикат, предикатив, підметова предикативна частина, семантико-синтаксична валентність.

Посвящено одному из дискуссионных типов сложных предложений – конструкциям, одна из предикативных частей которых функционирует в роли подлежащего к другим предикативным частям. Основное внимание сосредоточено на группах предикатов и предикативов, которые структурируют сложные предложения с взаимозависимыми частями.

Ключевые слова: сложное предложение с взаимозависимыми частями, предикат, предикатив, подлежащая предикативная часть, семантико-синтаксическая валентность.